

УДК 343.214

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ В РОССИИ

Нагорный А. П.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Крайняя необходимость признается УК РФ в качестве отдельного основания, исключающего преступность деяния. В тоже время реализация данного института уголовного права в практической деятельности сопряжена с рядом проблем, обусловленных несовершенством действующего законодательства. Правовое регулирование крайней необходимости в ст. 39 УК РФ носит весьма фрагментарный характер, оставляя без должной регламентации раскрытие условий крайней необходимости, превышения пределов крайней необходимости. В связи с изложенным, в настоящей статье предпринята попытка определения сущности и правовой природы крайней необходимости, исследования вопросов практического применения данного института, выявления имеющихся проблем в законодательстве и судебной практике. В результате проведенного исследования предложены конкретные меры по внесению изменений и дополнений в УК РФ.

Ключевые слова: крайняя необходимость, превышение крайней необходимости, необходимая оборона, обстоятельства, исключающие преступность деяния, преступление, уголовная ответственность.

Крайняя необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, является одним из самых неразработанных и мало изученных институтов в уголовном праве. Основное внимание исследователей обращено на другое обстоятельство, исключающее преступность деяния, – необходимую оборону, правовое регулирование которой также нельзя назвать достаточным. В тоже время научные работы и исследования по теме необходимой обороны носят более фундаментальный характер, а в судебной практике пусть и немногочисленные, но все же имеются случаи признания действий лиц в состоянии необходимой обороны. Иная ситуация наблюдается в судебной практике применительно к институту крайней необходимости. Суды редко квалифицируют действия лица в состоянии крайней необходимости, что подтверждается статистическими данными, опубликованными на официальном сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, согласно которым за 2021 г. судами не было принято ни одного решения, которым действия лица были квалифицированы в качестве крайней необходимости [1]. Стороной защиты нередко делаются заявления, что лицо не совершало преступления, а действовало в состоянии крайней необходимости, но такие доводы признаются неубедительными судами.

Среди основных проблем законодательной регламентации института крайней необходимости в уголовном праве можно назвать:

1. Несовершенство правовой регламентации крайней необходимости в нормах УК РФ. Законодатель весьма неудачно сформулировал определение крайней необходимости и ее отдельных элементов, пределы правомерности крайней необходимости, критерии превышения крайней необходимости и т.д.

2. С момента закрепления в УК РФ института крайней необходимости уже прошло много лет, однако судебная и следственная практика достаточно осторожно относится к установлению данного обстоятельства, исключающего преступность деяния, что можно объяснить несколькими обстоятельствами: пробелы в законода-

тельстве; приверженность судов и следственных органов обвинительного уклона; противоречивость судебной практики.

3. Принятое Пленумом Верховного Суда РФ Постановление № 19 от 27.09.2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» внесло существенный вклад в разъяснение содержания ст. 37 УК РФ, регламентирующей применение необходимой обороны [2]. Однако, Пленум Верховного Суда РФ оставил без должного внимания институт крайней необходимости.

4. В теории уголовного права дискуссионным является вопрос, связанный с разграничением крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, в частности, от необходимой обороны, поскольку данные институты имеют достаточно много схожих признаков, а законодатель не проводит четкого разграничения между ними.

5. Некоторые авторы к недостаткам правовой регламентации крайней необходимости относят «отсутствие в ст. 39 УК РФ перечня обстоятельств, влияющих в каждом конкретном случае на оценку правомерности действий лица, причинившего вред охраняемым уголовным законом объектам при предотвращении грозящей опасности» [3, с. 126].

Институт крайней необходимости является одним из самых обсуждаемых и дискуссионных, несмотря на то, что по данному вопросу написаны многочисленные научные работы. В науке уголовного права нет единой точки зрения относительно понимания сущности и правовой природы крайней необходимости. Д.Ю. Гончаров, С.Г. Гончарова под крайней необходимостью понимают состояние, в котором вред принимается для устранения опасности причинения другого вреда [4, с. 10].

По мнению ряда исследователей, институт крайней необходимости на протяжении длительного исторического этапа не получал должной законодательной регламентации в дореволюционный период и постепенно трансформировался, и видоизменился из обычного обстоятельства, смягчающего уголовную ответственность, в обстоятельство, исключающее преступность деяния [5, с. 89].

О.С. Капинус, В.Н. Дадонов полагают, что крайняя необходимость характеризуется сложной правовой природой и содержанием, что проявляется в наличии двух охраняемых интересов, один из которых имеет преобладающее значение, необходимость охраны которого допускает причинение вреда другому объекту [6, с. 32].

Некоторые исследователи высказывают предложения о переименовании института крайней необходимости в «устранение угрожающей опасности» [7]. Не согласна с данной позицией Т.Ю. Орешкина, полагающая, что подобное название фактически может быть использовано и в отношении иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, например, в отношении необходимой обороны [8, с. 109].

Понятие крайней необходимости дано в ст. 39 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее – УК РФ), из содержания которой следует, что не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не

могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости [9].

На основе анализа указанного законодательного определения, а также изучения теоретических положений позволим сформулировать следующие признаки крайней необходимости:

- в качестве основной цели, которую преследует лицо при причинении вреда, выступает устранение грозящей опасности. При этом, суды исходят из необходимости доказывания наличия реальности и опасности угрозы охраняемым интересам [10];
- законодатель допускает причинение вреда не только неимущественным, но и имущественным интересам конкретной личности, государства, общества в целом;
- предпринимаемые лицом действия не были заранее спланированы и подготовлены, а были обусловлены возникновением экстраординарной, чрезвычайной ситуации;
- причинение вреда выступало единственным возможным средством устранения внезапно появившейся угрозы;
- причинение вреда при крайней необходимости не является безграничным. Оно всегда очерчено определенными рамками, которые не должны выходить за пределы размера предотвращенного вреда. Если вред причинен в большем размере, чем предотвращенный, то говорить о действиях лица в крайней необходимости не приходится.

При обращении к судебной практике становится очевидно, что суды квалифицируют наличие опасности как условие крайней необходимости в качестве неизбежного обстоятельства, наступление которой не зависит от воли лица [11]. В ряде решений можно встретить позицию, исходящую из признания опасности в качестве обстоятельства стихийного характера, которое невозможно было заранее предвидеть [12].

Обратим внимание на то обстоятельство, что несмотря на отсутствие в УК РФ дефиниции мнимости крайней необходимости, в науке уголовного права ведутся активные дискуссии относительно данного явления.

Некоторыми авторами допускаются также случаи неудавшейся крайней необходимости, когда предпринятые лицом действия для предотвращения вреда не принесли желаемого результата, в результате чего вред не был предотвращен, несмотря на все возможные усилия. В качестве такого примера приводят ситуацию гибели заложников в результате проведения специальной операции по их освобождению [13, с. 96]. Данная ситуация представляется возможной, однако, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что вред причиняется в минимальном размере и в действиях лица дополнительно отсутствуют небрежность и легкомыслие, иначе следует говорить о наступлении уголовной ответственности за совершение неосторожного преступления.

Одним из самых неоднозначных и дискуссионных вопросов связан с установлением пределов превышения крайней необходимости. В ч. 2 ст. 39 УК РФ можно выделить следующие признаки, свидетельствующие о превышении пределов крайней необходимости:

- 1) причиненный вред должен явно не соответствовать характеру и степени угрожавшей опасности;

2) явное несоответствие причиненного вреда обстоятельствам, при которых опасность устранялась;

3) охраняемым уголовным законом интересам (социальным ценностям) был причинен вред равный или более значительный, чем предотвращенный.

Временные пределы правомерности крайней необходимости в своей основе имеют такой обязательный признак правомерности, как наличие опасности, означающий возникновение опасности и ее непосредственное наличие на протяжении определенного периода времени. Таким образом, опасность должна реально существовать.

Можно говорить о том, что устранить можно имеющуюся опасность, но еще не миновавшую. Наличие сложностей с определением временных пределов крайней необходимости предполагает необходимость установления и иных признаков, таких как своевременность.

Лица, устраняющие опасность, в силу своих возрастных, психологических особенностей могут не обладать необходимыми навыками, знаниями и опытом в той или иной сфере. В этой связи законодатель в качестве основного требования к действиям лица при крайней необходимости предъявляет следующее: причиненный вред вследствие устранения опасности всегда должен быть меньше вреда предотвращенного.

Определенные проблемы теоретического и практического характера имеются при разграничении крайней необходимости от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния. В частности, крайнюю необходимость следует отличать от необходимой обороны. Основные отличия института необходимой обороны в уголовном праве заключаются в том, что лицо наделяется возможностями по защите своих нарушенных прав посредством осуществления самостоятельных действий, не причиняющих вреда правонарушителю.

Если при необходимой обороне в качестве источника опасности признается исключительно общественно опасное поведение человека, то при крайней необходимости соответствующим источником опасности может признаваться как действия, так и бездействие человека, различные стихийные бедствия, столкновение обязанностей и т.д.

В тоже время по объектам причинения вреда различий между необходимой обороной и крайней необходимостью не имеется, поскольку возможным является причинение вреда как нематериальным благам (жизни, здоровью), так и имуществу граждан, юридических лиц, публичных образований.

Следует говорить о том, что лицо, действующее в состоянии крайней необходимости, всегда осознает возможность причинения вреда, в результате чего должно предпринимать определенные меры по его минимизации.

При причинении вреда в состоянии необходимой обороны можно наблюдать факт противоправных действий со стороны нападающего лица. Иную ситуацию следует наблюдать в условиях крайней необходимости, когда третье лицо, которому причинен вред, является невиновным.

Изложенное позволяет прийти к выводу, что вопрос квалификации крайней необходимости вызывает существенные сложности у судов.

В этой связи предлагаем внести следующие изменения и дополнения в текст УК РФ и предпринять меры по совершенствованию практики применения ст. 39 УК РФ:

1. Статья 39 УК РФ требует уточнения относительно объекта причинения вреда, дополнив содержание данной правовой нормы имущественными и неимущественными интересами личности. Наряду с этим, придерживаемся мнения о необходимости конкретизации действий лица, причиняющего вред, в части описания их признаков. Поэтому предлагаем дополнить ч. 1 ст. 39 УК РФ формулировкой, указывающей на чрезвычайный, вынужденный характер действий причинителя вреда.

2. Наиболее частым является причинение вреда в состоянии крайней необходимости при совершении дорожно-транспортных происшествий, в быту, при исполнении профессиональных обязанностей медицинскими работниками, работниками профессий, чья деятельность сопряжена с источниками повышенной опасности, при устранении чрезвычайных ситуаций (пожаров, ураганов, техногенных катастроф и т.п.). В большинстве случаев субъектами, действующими в условиях крайней необходимости, выступают вменяемые физические лица, достигшие 18-летнего возраста. Полагаем, что если на лицо в силу закона возложены обязанности по устранению опасности здоровью и жизни граждан, их имуществу, то действия этих лиц в условиях опасности не могут быть квалифицированы в качестве крайней необходимости ввиду того обстоятельства, что устранение чрезвычайных и внезапно возникших опасностей является их прямой служебной обязанностью. Соответствующее разъяснение предлагаем изложить в ч. 3 ст. 39 УК РФ.

3. Анализ положений Особенной части УК РФ показал, что в ней законодатель не предусмотрел перечень составов преступлений за превышение пределов крайней необходимости. На сегодняшний день эти действия подлежат исключительно квалификации по соответствующей статье Особенной части УК РФ (например, за причинение вреда личности, имуществу) со ссылкой на п. «ж» ч. 1 ст. 61 УК РФ, в которой крайняя необходимость признана смягчающим обстоятельством. Изложенное позволяет прийти к выводу, что о крайней необходимости необходимо упомянуть как специальном составе преступлений непосредственно в ст.ст. 108, 114 УК РФ.

4. Считаем необходимым Пленуму Верховного Суда РФ разработать и принять специальное Постановление «О практике применения судами законодательства о крайней необходимости», в котором разъяснить многочисленные спорные вопросы квалификации крайней необходимости, оставшиеся без должного раскрытия в ст. 39 УК РФ.

Список литературы:

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2021 год. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 26.01.2023).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.09.2012 года «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Российская газета, № 227, 03.10.2012.
3. Смирнова Л.Н. Законодательное определение крайней необходимости нуждается в дополнении // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 125-129.
4. Гончаров Д.Ю., Гончарова С.Г. Причинение смерти при крайней необходимости как форма легитимации насилия // Уголовное право. 2015. № 4. С. 8 - 12.
5. Жигжитова Б.Б. Особенности развития института крайней необходимости в уголовном праве России // Пролог: журнал о праве. 2021. № 1. С. 88-95.
6. Капинус О.С., Додонов В.Н. Крайняя необходимость в современном уголовном праве // Капинус О.С. Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. М.: Буквовед, 2008. С. 31 - 35.
7. Ситникова А.И. Конструирование и законодательно-текстологическая интерпретация теоретической модели главы «Причинение вреда в исключительных ситуациях» // Lex russica. 2016. № 8. С. 48 - 61.

8. Орешкина Т.Ю. Глава Уголовного кодекса РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния: проблемы формирования // Lex russica. 2017. № 6. С. 101 - 115.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Апелляционное определение Курганского областного суда от 17.05.2016 по делу № 33-1652/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Обзор апелляционной и кассационной практики по уголовным делам Пермского краевого суда за второе полугодие 2013 года (утв. президиумом Пермского краевого суда 28.02.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
12. Апелляционное определение Пермского краевого суда от 18.07.2013 по делу № 22-4888/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практический (постатейный) / Н.И. Ветров, М.М. Дайшутов, Г.В. Дашков и др.; под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юриспруденция, 2013.

A.P. Nagornyi. Problems of qualification of extreme necessity in Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean federal university. Juridical science. – 2023. – Т. 9 (75). № 2. – P. 355–360.

Extreme necessity is recognized by the Criminal Code of the Russian Federation as a separate ground excluding the criminality of the act. At the same time, the implementation of this institution of criminal law in practice is associated with a number of problems caused by the imperfection of the current legislation. The legal regulation of extreme necessity in Article 39 of the Criminal Code of the Russian Federation is very fragmentary, leaving without proper regulation the disclosure of the conditions of extreme necessity, exceeding the limits of extreme necessity. In connection with the above, this article attempts to determine the essence and legal nature of the emergency, to study the practical application of this institution, to identify existing problems in legislation and judicial practice. As a result of the conducted research, specific measures have been proposed to introduce amendments and additions to the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: extreme necessity, excess of extreme necessity, necessary defense, circumstances precluding the criminality of the act, crime, criminal liability.

Spisok literaturey:

1. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostojanii sudimosti v Rossii za 2021 god. Ofitsial'nyj sajt Sudebnogo Departamenta pri Verhovnom Sude Rossijskoj Federatsii [Elektronnyj resurs] // Rezhim dostupa: <http://www.cdep.ru> (data obraschenija: 26.01.2023).
2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 19 ot 27.09.2012 goda «O primenении sudami zakonodatel'stva o neobhodimoj oborone i prichinenii vreda pri zaderzhanii litsa, sovershivshego prestuplenie» // Rossijskaja gazeta, № 227, 03.10.2012.
3. Smirnova L.N. Zakonodatel'noe opredelenie krajnej neobhodimosti nuzhdaetsja v dopolnenii // Izvestija Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 6. S. 125-129.
4. Goncharov D.Ju., Goncharova S.G. Prichinenie smerti pri krajnej neobhodimosti kak forma legitimatsii nasilija // Uголовное право. 2015. № 4. S. 8 - 12.
5. Zhigzhitova B.B. Osobennosti razvitiya instituta krajnej neobhodimosti v uголовnom prave Rossii // Prolog: zhurnal o prave. 2021. № 1. S. 88-95.
6. Kapinus O.S., Dodonov V.N. Krajnjaja neobhodimost' v sovremennom uголовnom prave // Kapinus O.S. Sovremennoe uголовное право v Rossii i za rubezhom: nekotorye problemy otvetstvennosti: Sbornik statej. M.: Bukvoved, 2008. S. 31 - 35.
7. Sitnikova A.I. Konstruirovanie i zakonodatel'no-tekstologicheskaja interpretatsija teoreticheskoy modeli glavy «Prichinenie vreda v iskljuchitel'nyh situatsijah» // Lex russica. 2016. № 8. S. 48 - 61.
8. Orshkina T.Ju. Glava Uголовного кодекса RF ob obstojatel'stvah, iskljuchajuschih prestupnost' dejanija: problemy formirovanija // Lex russica. 2017. № 6. S. 101 - 115.
9. Uголовный кодекс Rossijskoj Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2022) // Sbranie zakonodatel'stva RF. 1996. № 25. St. 2954.
10. Apelljatsionnoe opredelenie Kurganskogo oblastnogo suda ot 17.05.2016 po delu № 33-1652/2016 // SPS «Konsul'tantPljus».
11. Obzor apelljatsionnoj i kassatsionnoj praktiki po uголовnym delam Permskogo kraevogo suda za vtoroe polugodie 2013 goda (utv. prezidiumom Permskogo kraevogo suda 28.02.2014) // SPS «Konsul'tantPljus».
12. Apelljatsionnoe opredelenie Permskogo kraevogo suda ot 18.07.2013 po delu № 22-4888/2013 // SPS «Konsul'tantPljus».
13. Kommentarij k Uголовному кодексу Rossijskoj Federatsii: nauchno-prakticheskij (postatejnyj) / N.I. Vetrov, M.M. Dajshutov, G.V. Dashkov i dr.; pod red. S.V. D'jakova, N.G. Kadnikova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Jurisprudencija, 2013.